

Речевые импликатуры и описание психического состояния человека

А. В. Явецкий

доцент кафедры лингводидактики и межкультурных коммуникаций факультета «Иностранные языки» Московского городского психолого-педагогического университета, alexyavetski@inbox.ru

А.Д. Казменко

студентка 5 курса факультета «Иностранные языки» Московского городского психолого-педагогического университета, Alina_kazmenko@mail.ru

В данной статье на основе исследования импликатур в произведениях современных русских и английских писателей изучается то, как собеседники интерпретируют речевые намерения друг друга. В самом начале работы очень четко разграничиваются два термина, задействованные в исследовании: «психическое состояние человека» и «речевая импликатура». Основной же идеей остается то, как психика индивида передается в его речевом поведении. С помощью примеров авторам статьи удается выходить за рамки диалогической коммуникации и обращаться к тем ситуативно значимым смыслам, которые передаются за счет описания и выражения психических состояний человека.

Ключевые слова: импликатура, психическое состояние, интенция, pragmatika literaturnogo teksta.

Для цитаты: Дергачева И.В. Мудрость древнерусской книжности (литературные памятники в Соборнике первой трети XVII в.) [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2014. №1. URL: <http://langpsy.ru/journal/2014/1/Nurmuhhmetov.phtml> (дата обращения: dd.mm.gggg)

Dergacheva I.V., The wisdom of the old Russian bookishness (the literature artifacts the first triens of the XVII-th century Corpus reported) Jelektronnyj resurs «Jazik I tekst langpsy.ru», E-journal «Language and Text langpsy.ru», 2014. no. 1. Available at: <http://langpsy.ru/journal/2014/1/Nurmuhhmetov.phtml> (Accessed dd.mm.yyyy)

Развитие современных гуманитарных наук проходит таким образом, что особое внимание уделяется отношению человека к окружающему миру, а также тому, как данное отношение выражается. В этой связи первоочередное значение для наук о человеке имеет изучение его внутреннего мира, психики, в частности исследование её непосредственного проявления – поведения человека, как неречевого, так и речевого.

Отражение психики человека в его речевом поведении актуально для многих междисциплинарных направлений: психолингвистики, когнитивной лингвистики, лингвокультурологии и теории межкультурной коммуникации. Наряду с универсальными концептами, которые наследуются носителями разных языков, существуют концепты специфические, характерные только для конкретной языковой общности (наиболее ярким примером являются цветообозначения в indoевропейских и неиндоевропейских языках). Благодаря наличию универсальных концептов складывается взаимопонимание и общение лиц, представляющих английскую и русскую лингвокультуры, сопоставлением которых мы занимаемся. Наличие же культурно специфических концептов обеспечивает богатство

трудно передаваемых смыслов, которые расширяют лингвокультурные горизонты коммуникантов.

Понимание, если вспомнить Гумбольдта, есть в значительной степени непонимание. Полноценная коммуникация возможна тогда, когда требуется понять другого, преодолеть неоднозначности и разглядеть речевые интенции собеседника. Этим коммуникация отличается от механического обмена данными, что было подмечено в работах представителей лингвистической прагматики – Остина, Сёрля, Грайса и многих других. Данное исследование посвящено изучению того, как собеседники интерпретируют речевые намерения друг друга – то есть изучению импликатур в том понимании, в котором этот термин употреблялся Полом Грайсом – то, что мы действительно имеем в виду, небуквальное выражение наших интенций. При этом мы выходим за рамки диалогической коммуникации и обращаемся к тем ситуативно значимым смыслам, которые передаются при помощи описания и выражения психических состояний человека.

Для начала необходимо уточнить два термина, используемые нами: «психическое состояние человека» и «речевая импликатура». Под психическим состоянием человека подразумевается своеобразие психической деятельности индивида, которое не является постоянным. Это своеобразие психической обусловлено условиями деятельности человека и его личностным отношением к ней. Психические состояния, как правило, представляют собой систему реакций на определенную поведенческую ситуацию. Однако все они отличаются резко выраженной индивидуальной особенностью – являются текущей модификацией психики данной личности. В качестве факторов психического состояния выступает деятельность и отношение говорящего к ней, иными словами, внешний и внутренний факторы. Такая характеристика важна не только потому, что описание одной и той же ситуации может по-разному выражаться в языковом плане, но и в обратном случае, когда разные ситуации могут выражаться сходным образом.

Рассмотрим это на следующем примере:

Нюта с папой тоже покупали стакан «конского зуба», потому что если ты идешь на футбол, надо быть как все: грызть семечки, орать, свистеть в два пальца и выкрикивать фамилии и имена игроков. И о судье не забывать: его, конечно же, на мыло.

А иначе жизнь не в жизнь и радость не в радость.

С помощью глаголов («орать, свистеть, выкрикивать») даётся описание психического состояния болельщиков, которое можно примерно обозначить как сильное возбуждение. Далее это состояние выражается через косвенную речь («о судье не забывать: его, конечно же, на мыло»). Таким образом, неоднозначность внешнего выражения психического состояния (орать и свистеть можно при многих психических состояниях) снимается дальнейшим контекстом. Импликатура имеет примерно следующий вид: «если ты идешь на футбол, надо быть как все», то есть соответствовать определённой модели (прототипу) поведения при посещении футбольного матча (вести себя возбуждённо и агрессивно, поддерживать свою команду и упрекать судью в необъективности). В этом примере импликатура (от глагола «имплицировать», англ. «implicate») является импликатурой коммуникативной, или речевой. Это значит, что то, что имеется в виду, должно быть выводимо из контекста. Если слова высказывания априори несут в себе определённый смысл, который не выражается напрямую, но закреплён за такими словами в силу специфики их употребления, то такая импликатура будет считаться конвенциональной (например, значение противопоставления, которое имеет союз «но»).

Рассмотрим ещё один пример речевой импликатуры при описании психических состояний:

— *Матч зако-о-о-нчится со сче-етом... со сче-е-етом... сказа-а-ать?!* — папа расстраивается. У него становится такое «уксусное» лицо, будто живот прихватило, будто он хочет, чтобы она замолчала на всю жизнь.

— *Нет, не сказать!* — отрезает он и отворачивается.

Из контекста понятно, что папа явно не хочет говорить, как закончился матч (можно сделать вывод, что не очень благополучно). Здесь выстраиваются связи с предыдущим контекстом: для полного понимания речевого намерения папы читателю нужно знать, с какими ожиданиями он шёл на матч и что именно произойдёт, если он сообщит о плохом результате. Учитывая эти факторы, мы можем примерно вычислить импликатуру речевого поведения папы: «папа сомневается, не хочет говорить, испытывает отрицательные эмоции от мысли о том, что нужно сказать». Последняя часть, кстати, конкретизируется сначала прямой ссылкой на психическое состояние папы (папа «расстраивается», то есть психическое состояние расстройства называется прямо), а затем — через описание внешнего вида папы («У него становится такое «уксусное» лицо, будто живот прихватило, будто он хочет, чтобы она замолчала на всю жизнь.»). Такая внешняя реакция может служить индикатором какой-то даже болезненной реакции (интенсифицирующий эпитет «уксусный», сравнение «будто живот прихватило»).

Интересно, что последняя часть предложения («будто он хочет, чтобы она замолчала на всю жизнь») прямо объясняет папину импликатуру читателю, но вот собеседник должен понять эту импликатуру только по внешнему виду папы. Складывается интересная ситуация, характерная для художественной литературы в целом: импликатура направлена сразу «на два адреса» — собеседнику в тексте и читателю. В итоге читатель, не без помощи подсказывающего ему автора, знает чуть больше, чем собеседник в тексте, который должен интерпретировать внешний вид папы. Это характеризует pragматическую сложность литературного текста, на которую обращал внимание ещё М.М. Бахтин.

Литературный текст существует сразу в нескольких измерениях: реальном (когда диалог ведётся с читателем) и фикциональном (когда диалог ведётся внутри текста), и, как нам кажется, такое разделение может быть очень плодотворным для дальнейших исследований pragmatики литературных текстов.

Speech implications and description of human mental states

A.V. Javetskij,

*Ph.D, associate professor of the Linguodidactics and Cross-cultural Department
of the Faculty of Foreign Languages Moscow State University of Psychology and Education,
alexyavetski@inbox.ru*

A.D. Kazmenko,

*student of the Linguodidactics and Cross-cultural Department of the Faculty of Foreign
Languages Moscow State University of Psychology and Education Alina_kazmenko@mail.ru*

The article is based upon the investigation of implicatures, that are used in the books of modern Russian and British writers. Moreover it is touched upon how interlocutors interpret speech intentions of each other. At the very beginning of the article two terms involved into the investigation are distinguished strictly. The first is "mental state" and the second is "conversational implicature". The basic idea is that the individual's psyche can be transferred within his manner of speech. With help of examples from the texts the authors manage to go beyond the dialogical communication and appeal to those situationally meaningful sense, which are transmitted through the description and expression of human mental states.

Key words: implicature, human mental states, the intention, the pragmatic the literature text.
